УДК 130.123:32.019.5

DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-110-124

ЦИФРОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Суслов Иван Владимирович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Цифра», доцент кафедры философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83. Саратовская государственная юридическая академия. Российская Федерация, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1; e-mail: suslov85@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-0991-6368.

Тихонова Софья Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, старший научный сотрудник, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83. Южно-Уральский государственный университет. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, д. 76; e-mail: segedasv@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2487-3925.

Статья посвящена проблеме определения цифровой идеологии. Авторы исходят из гипотезы о том, что переход социального развития на цифровой этап равнозначен складыванию общества особого типа, для которого характерна особая форма идеологии. Определение этой формы предполагает опору на её содержательные признаки. Виртуальная идеология, которая в начале нынешнего века трактовалась как идеология киберпространства, сдаёт свои позиции по мере демократизации Интернета и не может больше выступать материалом для обобщения. Поэтому авторы обращаются к анализу наличного употребления понятия «цифровая идеология» в научной литературе последних лет и выделяют три семантических группы. В первой группе под цифровой идеологией понимается доктрина построения цифрового общества. Во второй – сетевые формы распространения экстремистских идеологий, выступающих против государства как такового в контексте революционной борьбы либо против конкретного национального государства в контексте геополитического противостояния. В третьей группе акцентируется внимание на цифровизации процессов идеологизации и её последствиях. Авторы приходят к выводу о том, что исследования третьей семантической группы ближе к их цели и формулируют своё определение цифровой идеологии, отталкиваясь от роли цифровых технологий в современных процессах идеологизации, учитывая современный этап социального развития и опираясь на содержательную трансформацию идеологических процессов в условиях массовизации социальных сетей. Полученное определение может использоваться и в социальной, и в политической философии как отражающее реалии цифрового общества.

Ключевые слова: политическая философия, социальная философия, общества современного типа, цифровое общество, идеология, цифровая идеология, цифровизация

Цитирование: Суслов И.В., Тихонова С.В. Цифровая идеология: к проблеме определения // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 4. С. 110-124. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-110-124

Рукопись получена: 2 ноября 2024

Пересмотрена: 25 декабря 2024

Принята: 26 декабря 2024

DIGITAL IDEOLOGY: TOWARDS THE PROBLEM OF DEFINITION

Ivan V. Suslov – PhD of Sociology, Senior Researcher at the laboratory "Digit", Associate Professor of the Department of Philosophy, Saratov State University. 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russian Federation. Saratov State Law Academy. 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation; e-mail: suslov85@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-0991-6368

Sophia V. Tikhonova – PhD DSc in Philosophy, Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Senior Researcher, Saratov State University. 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russian Federation. South Ural State University. 76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation; e-mail: segedasv@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2487-3925

The article is devoted to the problem of defining digital ideology. The authors proceed from the hypothesis that the transition of social development to the digital stage is equivalent to the formation of the specifics of a special type of society, which is characterized by a special form of ideology. The definition of this form assumes reliance on its substantive features. Virtual ideology, which at the beginning of this century was interpreted as the ideology of cyberspace, is losing its position with the democratization of the Internet and can no longer act as a material for generalization. Therefore, the authors turn to the analysis of the current use of the concept of "digital ideology" in the scientific literature of recent years and identify three semantic groups. In the first group, digital ideology is understood as the doctrine of building a digital society. The second is the network forms of the spread of extremist ideologies that oppose the state as such in the context of the revolutionary struggle, or against a specific national state in the context of a geopolitical confrontation. The third group focuses on the digitalization of the processes of ideologization and its consequences. The authors conclude that the research of the third semantic group is closer to their goal and formulate their definition of digital ideology, starting from the role of digital technologies in modern processes of ideologization, taking into account the current stage of social development and relying on the meaningful transformation of ideological processes in the context of the massization of social networks. The resulting definition can be used in both social and political philosophy as reflecting the realities of a digital society.

Keywords: political philosophy, social philosophy, modern societies, digital society, ideology, digital ideology, digitalization

How to cite: Suslov, I.V., Tikhonova, S.V. (2024). Digital ideology: towards the problem of Definition. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7 (4): 110-124. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-4-110-124 (In Russian).

Received: 2 November 2024

Revised: 25 December 2024

Accepted: 26 December 2024

Современный этап социального развития всё чаще фиксируется с помощью концепта «цифровое общество», о котором говорят в контексте гибридности его структуры, включающей виртуальное и реальное (Луков, 2019), для того, чтобы подчеркнуть антрополо-

гические (Рюмина, 2020) и социальные (Киселёва, Семёнова 2018) эффекты цифровизации, а также для анализа его технологических компонентов (Смирнов, 2021). Однако всё чаще этот концепт преобразуется в категорию философии истории и социальной философии, фиксирующую закономерный этап в социальной эволюции, который соответствует передовым обществам (или их передовым технологическим авангардам) сегодняшнего дня, обществам современным для самих исследователей. В этом смысле термин «цифровое общество» используют Д.С. Артамонов и В.Б. Устьянцев, заявляющие о необходимости перехода в цифровую фазу самой философии истории для того, чтобы стало возможным выявление трансисторических закономерностей, приводящих к появлению цифрового общества (Артамонов, Устьянцев, 2020). Этот диахронический срез, заданный философией историей, дополняется срезом синхроническим, заданным социальной философией, где цифровое общество рассматривается как особый социальный тип (Тузовский, 2020), обладающий специфической структурой (Носова, 2022) и рискогенностью (Лапшин, 2019).

Включая цифровое общество в свой категориальный ряд, социальная философия задаёт методологическое направление для философии политической. Особенно наглядно мы это видим на примере объектов, относящихся к предметной области совместного ведения – в первую очередь идеологии. Применительно к проблематике её изучения «цифровой» вектор означает постановку вопроса о том, какой должна быть идеология в цифровом обществе. Ответ «цифровой» представляется очевидным. Однако анализ научной литературы показывает смысловую неоднозначность понятия «цифровая идеология», вызванную тем, что его применение далеко не всегда подразумевает характеристику современного развития именно идеологии. Рассмотрим сложившуюся традицию применения данной дефиниции подробнее.

Виртуальная идеология

Начинается она до преодоления так называемого Великого разрыва¹² – периода, относящегося к концу первого десятилетия XXI в., начавшегося с расцвета сервисов социальных сетей и рутинизации платформ электронного государства, а свой пик пережившего благодаря пандемийному опыту тотального онлайн. До Великого разрыва интернет-пользователи совпадали с политически активными слоями наиболее образованных граждан. По мере его преодоления и естественной смены поколений включённость

¹² Великим разрывом обозначали методологическое противопоставление миров онлайн и офлайн как взаимоисключающих сегментов социальной реальности (Дженсен, 2011).

в интернет-пространство стало массовой характеристикой современных граждан.

Соответственно, до Великого разрыва в употреблении был термин «виртуальная идеология». Его выдвинул И.А. Быков на основании характерных признаков исследуемого явления – таких как индивидуализм; представление о человеке как о нематериальном объекте или по крайней мере о гражданине мира; антигосударственность и антибюрократизм; свобода слова, переход в отрицательные права на интеллектуальную собственность (Быков, 2007). Конечно, трудно не согласиться с данным автором, когда он утверждает, что киберпространство повлияло на политические идеологии, интенсифицировав их развитие и вызвав их трансформацию в такие идеологические системы, как хакерство, киберпанк, киберанархизм, сетевое либертарианство (Быков, 2008). Но в фокусе анализа И.А. Быкова оказываются конкретные модификации политических идей, выдвинутые пользователями Сети в конкретный исторический период, а именно – до преодоления Великого разрыва. Опорные точки этой модификации были проанализированы в эссе, опубликованном в Интернете в 1995 г. Р. Барбруком и Э. Камероном «Калифорнийская идеология» (Барбрук, Кэмерон, 1995, web) и посвящённом технократическому мировоззрению обитателей Кремниевой долины. К их чертам авторы отнесли технологический оптимизм, веру в то, что киберпространство призвано стать ареной самовыражения индивида, антигосударственный посыл и синкретизм либеральных и консервативных взглядов.

Идеология цифрового общества

После Великого разрыва анархичный анонимный Интернет уходит в прошлое под натиском государственной борьбы за прозрачность, и появляются новые группы смыслов, связанные с понятием «цифровая идеология».

В первой группе понятие «цифровая идеология» нередко употребляется как синоним идеологии цифрового общества, для обозначения доктрины построения особого типа социума, в котором вся политико-правовая инфраструктура социальной системы опирается на электронные платформы. В этом случае выстраивается идейная преемственность между концепциями постиндустриального, информационного и цифрового общества. В этих концепциях футурологическая аналитика тесно связана с национальными доктринами цифровизации публичной сферы, а исходной категорией, несмотря на всю противопоставленность постиндустриализма марксизму в вопросах классовой борьбы и антагонизма, была и остаётся экономика.

Расцвет третьего сектора экономики под влиянием сначала компьютеризации, а затем цифровизации привёл к росту идеологи-

ческого значения так называемых постматериалистических ценностей, развиваемых «креативным классом». Понятие постматериалистических ценностей появляется ещё в работах Д. Белла, который отмечал, что в условиях постиндустриализма неизбежно происходит автономизация культуры, плюралистичность, появление интровертного стиля жизни и увеличивающаяся непредсказуемость поведения людей, которое строится как *discretionary social behavior*, то есть поведение по собственному усмотрению, а не под влиянием традиционных ценностей (Белл, 1999). О.С. Дейнека и Р.К. Хабибулин справедливо отмечают, что постматериалистические ценности являются результатом эмансипации от традиционных норм общественной морали в процессе секуляризации, предполагают ценностную релятивизацию (Дейнека, Хабибулин, 2015). В миллениум постматериалистические ценности отражали трансформацию идеологии общества потребления под влиянием расширения класса интеллектуалов, использующих компьютерные технологии в качестве средств производства и диверсифицирующих тем самым образы жизни (Манапова, 2021). На доктринальном уровне государственной политики аксиологический постматериализм дополнялся идеологемами безграничности развития цифровых технологий и их ключевого значения для обеспечения прозрачности и сглаживания асимметрии в отношениях государства и гражданина.

Модель сильного государства сдаёт свои позиции государству сервисному, которое понимается как государство, реализующее свою социальную функцию через предоставление гражданам публичных услуг в цифровой форме. В нашей стране главными достижениями сервисного государства считаются: «Сеть многофункциональных центров (МФЦ), работающих по принципу “одного окна”; внедрение удалённого доступа через сервер “Госуслуги”; межведомственное электронное взаимодействие; создание специализированных государственных порталов (ярким примером могут служить личные кабинеты налогоплательщиков); функционирование различных единых информационных систем» (Какохо, 2023, с. 18-19). Эти позитивные особенности национального электронного государства являются результатом кропотливых реформ и длительных научных дискуссий, в ходе которых эксплицировался национальный характер цифрового общества, зависимость его конкретных черт от политико-правовой доктрины цифрового реформирования. Уже в начале XXI в. Происходит концептуальное столкновение моделей общества знания и информационного общества. Первым примером такого столкновения является всемирный доклад Юнеско «К обществам знания» 2005 г., в котором говорится о том, что «в обществах знания каждый человек должен будет уметь свободно ориентироваться в потоке информации, который нас захлестывает, и развивать когнитивные способности и крити-

ческий ум, чтобы отличать “полезную” информацию от бесполезной» (К обществам..., 2005, с. 21). В этом ключе действующая в России «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.» трактует информационное общество как техническую инфраструктуру общества знания (Стратегия..., 2017), которая сама по себе не даёт духовного измерения и нейтральна по отношению к культуре.

Под влиянием цифровизирующих реформ в разных странах складывается новое понимание современного капитализма, который исследователи определяют как платформенный (Чубаров, 2019) или цифровой (Сафронов, 2021; Новицкая, 2023). Ключевую роль в этом направлении играют работы Н. Срничека «Капитализм платформ» (Срничек, 2019) и Ш. Зубофф «Надзорный капитализм» (Зубофф, 2019). Идеологией платформенного капитализма оказывается постправда (Сафронов, 2023), в которой под идеологемами «дивидных»¹³ виртуальных субкультур, вроде криптоанархистов, киберфеминисток, шифропанков и шизопанков, скрывается капиталистическая логика.

Современная экстремистская идеология

Вторая группа бытования понятия идеологии в цифровом контексте актуализирована в исследованиях экстремистских и террористических движений. В сложившейся геополитической ситуации опасность связи экстремизма и цифровых технологий отмечают многие исследователи. Например, Т.Г. Григорьева и А.А. Павлова анализируют цифровое пространство как среду распространения экстремистской идеологии, показывая эффективность применения цифровых технологий как в массовой вербовке, так и в создании механизмов «управления всеми силами и средствами таких организаций, включая финансовыми инструментами. Через глобальную сеть создаются и управляются экстремистские группировки и ячейки на местах; через них осуществляется идеологическая обработка и подготовка вовлечённых и рекрутированных к совершению экстремистских актов насилия; там же идёт сбор средств и оплата акций. ... Существуют в сети множество интернет-сайтов как непосредственно международных экстремистских и террористических организаций, так и действующих под прикрытием конечных целей создания, где освещаются реальные события с заведомо ложной трактовкой или откровенно лживые фейковые новости, либо “отчитываются” о проведённых акциях или мероприятиях» (Григорьева, Павлова, 2022, с. 12). Вслед за ними С.В. Розенко акцентирует «особую общественную опасность распространения с помощью цифровых технологий террористической идеологии в Российской

¹³ То есть выдвинутые интернет-зависимой молодёжью (Чердаков, Журавлев, 2019, с. 95).

Федерации как наиболее актуальной формы террористической деятельности, которая пропагандируется скрытыми, конспиративными приёмами и способами, где технологии искусственного интеллекта распространяют данную идеологию как альтернативную, доступную сетевую парадигму» (Розенко, 2023, с. 102). Схожую позицию занимает М.А. Стародубцева, рассматривающая зависимость агрессивных интернет-субкультур от технологий гибридно-информационной войны (Стародубцева, 2022). Этот аналитический тренд является синхроническим срезом почти четвертьвековой традиции исследования того, как происходила радикализация антигосударственных интернет-настроений, используемых государствами в противостоянии друг с другом.

Началом этой традиции можно считать распространение «Зелёной книги» Муаммара Каддафи и связанной с ней критической традиции, отражавшей противостояние Ливии и США в контексте «Революции внутри революции» в Интернете в конце XX в. Три части «Зелёной книги», излагающей основы Третьей всемирной теории и вышедшей в 1976-1979 гг., не допускались советской цензурой в отечественное медиапространство вплоть до поздней перестройки. Только в 1989 г. в СССР вышел её перевод с предисловием автора. Конечно, бесцензурный гипертекстовый Интернет конца прошлого века аккумулировал всю радикальную революционную и экстремистскую литературу от «Поваренной книги анархиста»¹⁴ У. Пауэлла до «Партизанской войны» Э. Че Гевары, но положение «Зелёной книги» в контексте военной активности США на Ближнем востоке было особенным, поскольку события «Революции внутри революции» были исторически близкими для радикально настроенной молодёжи, мишенью которой выступало американское общество потребления и проект вестернизации. Интернет ещё не играл ключевой роли в этой андеграундной среде, смыкавшейся с богемой и криминалитетом (Тарасов, 1998) в логике предцифрового общества.

Непосредственно цифровые технологии превращаются в политическую силу, с которой приходится считаться, уже в начале XXI в. Именно в 2001 г. происходит Вторая народная революция на Филиппинах, в результате которой был свергнут президент Джозеф Эстрада, печально знаменитый коррупционными схемами. Особенностью Филиппинской революции была манифестация «народной воли» через массовые волнения. Г. Рейнгольд, теоретик сетевого общества, в своей книге «Умная толпа: новая социальная революция», вышедшей в 2002 г., приводит Филиппинскую революцию в качестве признака новой социальной роли мобильной телефонии и Интернета: «Наученный опытом технических перемен, я считаю, что вторичные последствия мобильной связи вызовут настоящее цунами в обществе. Рассмотрим некоторые из пер-

¹⁴ Включена в Федеральный список экстремистских материалов (№ 2378).

вых признаков: политическое движение «Народная власть II», сбросившее президента Джозефа Эстраду в 2001 году, созывая демонстрации в столице Филиппин Маниле рассылкой SMS по сотовым телефонам» (Рейнгольд, 2006, с. 14). В этом случае протестующие использовали схему, которую Г. Рейнгольд будет описывать как схему внеполитического флешмоба, проводимого для развлечения и эпатажа, а А. Цветков – как схему акций антиглобалистского движения: группа «невидимых атомов» (нигде не зарегистрированные 2-3 человека, имеющих доступ к Интернету) выбирает себе локальную цель, вокруг которой и организовывается акция – мирная оккупация объекта, граффити, пиротехника, блокада дорог и т. П. (Цветков, 2001, web). Координируется акция через Интернет или смс-рассылку, её участники могут быть незнакомы друг с другом и никогда больше не встретиться после её окончания, результат их активности распространяется в Интернете как вирусный контент ради медийного резонанса. Анонимность раннего Интернета делала такие стратегии социально-политической активности максимально непрозрачными для надзорных служб и силовых ведомств; массы буквально из ниоткуда в назначенное время собирались в публичных пространствах и вели себя так, что их трудно было не заметить (правда, в случае мирных флешмобов это поведение не всегда легко было понять). Соответственно, в традиционных политических схемах такая активность воспринималась как попытка прямого волеизъявления народных масс, которые прорываются к демократическим институтам, заблокированным репрессивной государственной машиной¹⁵.

Первое десятилетие нового века отмечено эрозией национальных государств, вызванной глобализацией. Пользователи Интернета становятся основой активных политических элит, при этом эксплицитно развивая либеральные и либертарные модели отношения с государством, заложенные уже упомянутой калифорнийской идеологией как исходной политической доктриной Интернета. На содержании калифорнийской идеологии мы останавливались выше, теперь для нас важно показать синкретичный характер протестных движений, антиглобализма и оппозиционных настроений в начале века в цифровой среде, существовавшей как альтернатива упорядоченному идеологическому миру офлайн-институциональной политики.

Наиболее явно он проявился в феномене «цветных революций». Первая¹⁶ из них получила название «оранжевой революции» из-за

¹⁵ В западной политологической традиции она по-прежнему именно так и интерпретируется.

¹⁶ Часто первой цветной революцией считают революцию в Югославии, произошедшую в 2000 г., однако для её массовых протестов в большей степени характерно использование печатных, а не цифровых технологий. Также и символика бульдозера, штурмующего телецентр, отличается бо-

цвета флага оппозиции и произошла в 2004 г. на Украине. Затем, в 2005 г., произошла «тюльпановая революция» в Кыргызстане и «революция кедров» в Ливане, в 2006 г. – «васильковая революция» в Беларуси (провалилась), в 2007 г. – «шафрановая революция» в Мьянме, в 2008 г. – «безымянные» массовые протесты в Армении, в 2009 г. – «зелёная революция» в Иране (провалилась), в 2010 г. – «площадная революция» в Минске (провалилась), в 2011-2013 гг. – «белоленточная (или болотная) революция» в России (провалилась), в 2013-2014 гг. – «революция достоинства» на Украине, в 2014 г. – «революция зонтиков» в Китае (провалилась), в 2018 г. – «бархатная революция» в Армении, в 2020 г. – массовые волнения в Беларуси (провалились). Технология «цветных революций» регулярно исследуется в научной литературе (Целищева, 2006; Дворников, Смирнов, 2010; Фонарёв, 2012; Чаевич, 2016; Гайдунко, Макарова, 2021; Ковалев, 2023). Этот исследовательский тренд вызвал негативную коннотацию на семантических сочетаниях «идеология» и «Интернет» вплоть до введения поправок в Конституцию РФ, усиливших роль идеологического влияния российского государства и получивших максимальную востребованность в ходе Специальной военной операции.

Цифровизация идеологии

Наконец, в третьей группе понятие «цифровая идеология» используется непосредственно для анализа идеологических процессов в цифровом обществе, но эти процессы продолжают интерпретироваться в парадигме теорий глобализации. Наиболее привычной эта аналитическая рамка является для политических наук, в которых дискурс глобального миропорядка сочетает категориальные ряды, описывающие международное право Ялтинско-Потсдамских соглашений, регресс коммунистической идеологии (распад СССР в 1991 г.) и становление глобального общества потребления в конце XX – начале XXI в., в котором глобальные медиа стали пространством вестернизированного консюмеризма, адаптированного к мультикультурным особенностям через глокализацию. В этом случае «глобальное транснациональное» заменяется цифровизированным, и в условиях заката глобализации исследователи вынуждены фиксировать национальные различия цифровых идеологий. Так, А.А. Чебан отталкивается в своём исследовании от таких концептов, как «технооптимизм», «техноскептицизм», «алармизм», «сетевое общество», «ризоматическое общество», и приходит к выводу о том, что в условиях разного уровня развития современного информационного общества и наличия неравенства в имплементации цифровых технологий, цифровая идеология не может

лее жёсткой экспрессией от цвето-цветочной символики позднейших революций, позиционировавшихся как мирный единоклубный порыв народа.

быть ни единой, ни глобальной, несмотря на универсальность социального статуса цифровизации в современных обществах (Чебан, 2023, с. 1064). Это констатируется и А.Г. Чернышовым, отмечаящим, что «цифра и искусственный интеллект всё больше обживаются на культурном пространстве, становятся неотъемлемой частью жизненного ландшафта», и процесс этот достигает таких степеней, что они начинают претендовать на роль новой религии и идеологии (Чернышов, 2019, с. 76). Риски и опасности этого процесса раскрываются С.В. Шибаршиной как «развёртывание негативных сторон технократического мышления» (Шибаршина, 2023, с. 231), вызванного внедрением AI в политический процесс, гибридирующим реальность цифрового общества (Василенко, Мещерякова, 2023). Таким образом, в этом семантическом ряду под цифровой идеологией понимается переход процессов идеологизации (то есть создания, продвижения и тиражирования идеологии) на цифровые рельсы.

Выводы

Третий случай употребления термина «цифровая идеология» является наиболее близким к нашей позиции, но он, на наш взгляд, нуждается в конкретизации. Добиться последней можно, если не ограничиваться постулированием цифровой идеологии, но выявить её качественную специфику, вскрыв роль цифровых технологий в её функционировании и бытовании. Цифровые технологии обеспечивают оперативную когерентность идеологических метанарративов и малых форм, оттачивающих отдельные идеологемы. Иногда эта связь работает как прямая гипертекстовая ссылка, иногда – как постирония в рамках актуальной медиаповестки. Но пластичность, динамичность и подвижность идеологии в настоящее время объясняется именно её технологическим характером. Поэтому мы и считаем её цифровой. А механизм постоянный пересборки идеологических компонентов на платформе медиаповестки рассматриваем как социоонтологическую основу перманентных процессов реидеологизации. Этот механизм и составляет качественную специфику цифровой идеологии, которая может быть определена как идеология обществ, перешедших на цифровой этап развития, производство и тиражирование которой основано на перманентном перераспределении ролей идеологов и пользователей, использующих Интернет для интегрирования идеологических жанров, нарративов и дискурсов, и в которой присутствие макронарративов обеспечивается аллюзивной работой прецедентных феноменов.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The authors declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Артамонов, Устьянцев, 2020 – *Артамонов Д.С., Устьянцев В.Б.* Цифровая философия истории: постановка проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 1. С. 4-9. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-4-9>

Барбрук, Камерон, 1995, web – *Барбрук Р., Камерон Э.* Калифорнийская идеология. URL: <https://spintongues.vladivostok.com/calif.htm> (дата обращения: 30.11.2024).

Белл, 1999 – *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М.: Academia, 1999. 956 с.

Быков, 2007 – *Быков И.А.* Интернет-пространство как фактор формирования политических идеологий // Труды X всероссийской объединённой конференции «Интернет и современное общество». СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 186-188.

Быков, 2008 – *Быков И.А.* Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79-98.

Василенко, Мещерякова, 2023 – *Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н.* Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 48-65. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65>

Гайдунко, Макарова, 2021 – *Гайдунко Ю.А., Макарова С.П.* К вопросу о правомочности отнесения цветных революций к классическим революциям // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. Т. 2. № 8 (80). С. 22-264.

Григорьева, Павлов, 2022 – *Григорьева Т.Г., Павлова А.А.* Цифровое пространство как среда формирования и распространения идеологии экстремистской направленности // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 3 (27). С. 10-13.

Дворников, Смирнов, 2010 – *Дворников А.А., Смирнов В.В.* Технология «цветных» революций // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. № 4-1. С. 120-124.

Дейнека, Хабибулин, 2015 – *Дейнека О.С., Хабибулин Р.К.* Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1525.

К обществам..., 2005 – К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО, 2005. 239 с.

Какохо, 2023 – *Какохо Т.Г.* Правовая идеология «сервисного государства» // Правовая культура. 2023. № 2 (53). С. 15-21.

Киселёва, Семёнова, 2018 – *Киселёва Л.С., Семёнова А.А.* Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 157-169.

Ковалев, 2023 – *Ковалев А.А.* Информационные технологии «цветных революций» как угроза национальному менталитету // Социально-

политические исследования. 2023. № 2 (19). С. 22-35.
https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_2_19_22

Лапшин, 2019 – *Лапшин А.О.* Глобализация и цифровое общество: заметки на полях // *Власть*. 2019. Т. 27. № 1. С. 63-68.
<https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6228>

Луков, 2019 – *Луков В.А.* «Хорошее общество» и «цифровое общество» // *Горизонты гуманитарного знания*. 2019. № 3. С. 3-15.
<https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.1>

Манапова, 2021 – *Манапова А.Б.* Образ жизни и теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 32. С. 2167-2170.

Новицкая, 2023 – *Новицкая Т.Е.* Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма // *Труды БГТУ*. Серия 6: История, философия. 2023. № 1 (269). С. 181-186. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2023-269-1-33>

Носова, 2022 – *Носова С.С.* Метаморфозис и цифровое сетевое общество // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 475. С. 5-14. <https://doi.org/10.17223/15617793/475/1>

Рейнгольд, 2006 – *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М.: Фаир-Пресс, 2006. 416 с.

Розенко, 2023 – *Розенко С.В.* Цифровые технологии как средство развития террористической идеологии в Российской Федерации: проблемы противодействия и наказуемости // *Oeconomia et Jus*. 2023. № 3. С. 96-103.
<https://doi.org/10.47026/2499-9636-2023-3-96-103>

Рюмина, 2020 – *Рюмина М.Т.* Цифровое общество и проблема человека // *Научно-исследовательские исследования*. 2020. № 2020. С. 79-89.
<https://doi.org/10.31249/scis/2020.00.06>

Сафронов, 2021 – *Сафронов Э.Е.* Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф // *Социологические исследования*. 2021. № 4. С. 165-172. <https://doi.org/10.31857/S013216250010848-5>

Сафронов, 2023 – *Сафронов Э.Е.* Постправда, или Коммуникативная логика цифрового капитализма // *Знание. Понимание. Умение*. 2023. № 3. С. 96-106 <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.3.7>

Смирнов, 2021 – *Смирнов А.В.* Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1 (161). С. 129-153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>

Срничек, 2019 – *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 128 с.

Стародубцева, 2022 – *Стародубцева М.А.* Закрепление на законодательном уровне правового статуса студенческих антитеррористических отрядов как мера противодействия распространению идеологии терроризма в цифровую эпоху // *Современный учёный*. 2022. № 1. С. 294-298.

Стратегия..., 2017 – *Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг., утверждённая Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года* // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2017. № 20. Ст. 290.

Тарасов, 1998 – *Тарасов А.* Чёрная кошка на красном фоне. Провинциальные впечатления // *Октябрь*. 1998. № 10. С. 154-159.

Тузовский, 2020 – *Тузовский И.Д.* От «Информационного общества» к «Цифровой эпохе»: гипотетическое моделирование идеального типа // *Вестник культуры и искусств*. 2020. № 2 (62). С. 78-86.

Фонарёв, 2012 – *Фонарев М.А.* Роль «цветных революций» на постсоветском пространстве: опасность для России // Вопросы политологии. 2012. № 3 (7). С. 194-201.

Цветков, 2001, web – *Цветков А.* Призрак антиглобализма. URL: <https://zavtra.ru/blogs/2001-05-2342> (дата обращения 27.11.2024).

Целищева, 2006 – *Целищева А.* Отблеск «цветных революций» в России // Студенческая наука и XXI век. 2006. № 3. С. 255-256.

Чаевич, 2016 – *Чаевич А.В.* Феномен «цветных революций» и национальная безопасность России // Евразийский союз учёных. 2016. № 30-3. С. 64-66.

Чебан, 2023 – *Чебан А.А.* Особенности формирования глобальной идеологии цифровизации в сетевом обществе: политологический анализ // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3 (91). С. 1064-1072. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.91.3.018>

Чердаков, Журавлев, 2019 – *Чердаков О.И., Журавлев А.Л.* Идеология виртуальной реальности и права, или роль права в сохранении НОМО SAPIENS в эпоху цифровой революции // Вестник Международного юридического института. 2019. № 1 (68). С. 93-98.

Чернышов, 2019 – *Чернышов А.Г.* Искусственный интеллект в качестве новой религии и идеологии цифровых данных // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 76-83. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6301>

Чубаров, Сеченова, 2019 – *Чубаров И., Сеченова Е.* Левая критика в эпоху платформенного капитализма // Логос. 2019. Т. 29. № 6 (133). С. 275-308. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-6-275-304>

Шибаршина, 2023 – *Шибаршина С.В.* Эволюция алгоритмов: на пути к технократии? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 228-235. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-3-228-235>

Jensen, 2011 – *Jensen K. B.* New media, old methods – Internet methodologies and the online/offline divide // The Handbook of Internet Studies / Ed. By M. Consalvo, C. Ess. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. Pp. 43-58.

Zuboff, 2019 – *Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism. N. Y.: Public Affairs, 2019. 691 p.

References

Artamonov, D. S., Ustyantsev, V. B. (2020). Digital philosophy of history: problem statement. *Proceedings of Saratov University. A New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 20, 1, 4-9. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-4-9> (In Russian)

Barbrook, R., Cameron, E. *The California ideology of https: spintongues*. Retrieved November 30, 2023, from <https://spintongues.vladivostok.com/calif.htm> (In Russian).

Bell, D. (1999). *The Coming Post-Industrial Society: the Experience of Social Forecasting*. Academia Publ. (In Russian)

Bykov, I. A. (2007). The Internet space as a factor in the formation of political ideologies. In *Proceedings of the X All-Russian Joint Conference "The Internet and Modern Society"* (pp. 186-188). St. Petersburg State University Publ. (In Russian)

Bykov, I. A. (2008). Cyberspace as a factor in the development of political ideologies. *Political Science*, 2, 79-98. (In Russian)

Chaevich, A. V. (2016). The phenomenon of "color revolutions" and Russia's national security. *Eurasian Union of Scientists*, 30, 3, 64-66. (In Russian)

Cheban, A. A. (2023). Features of the formation of the global ideology of digitalization in a networked society: a political analysis. *Issues of Political Science*, 13, 3-91, 1064-1072. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.91.3.018> (In Russian)

Cherdakov, O. I., Zhuravlev, A. L. (2019). Ideology of virtual reality and law, or the role of law in the preservation of HOMO SAPIENS in the era of the digital Revolution. *Bulletin of the International Law Institute*, 1 (68), 93-98. (In Russian)

Chernyshov, A. G. (2019). Artificial intelligence as a new religion and ideology of digital data. *Power*, 27 (2), 76-83. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6301> (In Russian)

Chubarov, I., Sechenova, E. (2019). Leftist criticism in the Era of Platform Capitalism. *Logos*, 29, 6-133, 275-308. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-6-275-304> (In Russian)

Deineka, O. S., Khabibulin, R. K. (2015). The phenomenon of post-materialistic values and the problem of political stability. *Modern Problems of Science and Education*, 1-1, 1525. (In Russian)

Dvornikov, A. A., Smirnov, V. V. (2010). Technology of “color” revolutions. *Intellectual Potential of the XXI Century: Stages of Cognition*, 4-1, 120-124. (In Russian)

Fonarev, M. A. (2012). The role of “color revolutions” in the post-Soviet space: danger for Russia. *Issues of Political Science*, 3, 7, 194-201. (In Russian)

Gaidunko, Yu. A., Makarova, S. P. (2021). On the question of the legitimacy of attributing color revolutions to classical revolutions. *Actual Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences*, 2, 80, 22-264. (In Russian)

Grigorieva, T. G., Pavlova, A. A. (2022). Digital space as an environment for the formation and dissemination of extremist ideology. *Bulletin of the Northeastern Federal University Named after M. K. Ammosov. Series: History. Political science. Law*, 3, 27, 10-13. (In Russian)

Jensen, K. B. (2011). New media, old methods – Internet methodologies and the online/offline divide. In M. Consalvo, C. Ess (Eds.). *The Handbook of Internet Studies*. Wiley-Blackwell.

Kakoho, T. G. (2023). The legal ideology of the “service state”. *Legal Culture*, 2, 53, 15-21. (In Russian)

Kiseleva, L. S., Semenova, A. A. (2018). Digital transformation of society: trends and prospects. *The Problem of the Activity of Scientists and Research Teams*, 4, 34, 157-169. (In Russian)

Kovalev, A. A. (2023). Information technologies of “color revolutions” as a threat to the national mentality. *Socio-Political Studies*, 2, 19, 22-35. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_2_19_22 (In Russian)

Lapshin, A. O. (2019). Globalization and digital society: notes on the margins. *Power*, 27, 1, 63-68. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6228> (In Russian)

Lukov, V. A. “Good society” and “Digital Society”. *Horizons of Humanitarian Knowledge*, 3, 3-15. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.1> (In Russian)

Manapova, A. B. (2021). Lifestyle and the theory of post-materialistic values by R. Inglehart. *Innovations. Science. Education*, 32, 2167-2170. (In Russian)

Nosova, S. S. (2022). Metamorphosis and digital network Society. *Bulletin of Tomsk State University*, 475, 5-14. <https://doi.org/10.17223/15617793/475/1> (In Russian)

Novitskaya, T. E. (2023). Agency and alienation in the context of digital capitalism. *Proceedings of Belarusian State Technological University. Series 6: History, Philosophy*, 1 (269), 181-186. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2023-269-1-33> (In Russian)

Reinhold, G. (2006). *The Smart Crowd: a New Social Revolution*. Fair Press Publ. (In Russian)

Rozenko, S. V. (2023). Digital technologies as a means of developing terrorist ideology in the Russian Federation: problems of countering and punishability. *Oeconomia et Jus*, 3, 96-103. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2023-3-96-103> (In Russian)

Ryumina, M. T. (2020). Digital society and the human problem. *Scientific Research*, 2020, 79-89. <https://doi.org/10.31249/scis/2020.00.06> (In Russian)

Safronov, E. E. (2021). Transformations of capitalism in the XXI century: the concept of "supervisory capitalism" by Shoshana Zuboff. *Sociological Research*, 4, 165-172. <https://doi.org/10.31857/S013216250010848-5> (In Russian)

Safronov, E. E. (2023). Post-truth, or the communicative logic of digital capitalism. *Knowledge. Understanding. Skill*, 3, 96-106. <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.3.7> (In Russian)

Shibarshina, S. V. (2023). The evolution of algorithms: on the way to technocracy? *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 7, 3, 228-235. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-3-228-235> (In Russian)

Smirnov, A. V. (2021). Digital society: a theoretical model and Russian reality. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 161, 129-153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790> (In Russian)

Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Higher School of Economics. (In Russian)

Starodubtseva, M. A. (2022). Consolidation of the legal status of student anti-terrorist detachments at the legislative level as a measure to counter the spread of the ideology of terrorism in the digital age. *Modern Scientist*, 1, 294-298. (In Russian)

Tarasov, A. (1998). A black cat on a red background. Provincial impressions. *October*, 10, 154-159. (In Russian)

The Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030, approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 (2017). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 20, Article 290. (In Russian)

To the societies of knowledge. UNESCO World Report (2005). UNESCO Publ. (In Russian)

Tselishcheva, A. (2006). The reflection of the "color revolutions" in Russia. *Student Science and the XXI Century*, 3, 255-256. (In Russian)

Tsvetkov, A. (2001). *The Ghost of Anti-Globalization*. Retrieved November 27, 2023, from <https://zavtra.ru/blogs/2001-05-2342>. (In Russian)

Tuzovsky, I. D. (2020). From the "information society" to the "digital age": hypothetical modeling of an ideal type. *Bulletin of Culture and Arts*, 2, 62, 78-86.

Vasilenko, L. A., Meshcheryakova, N. N. (2023). Hybridity of the digital society: is it an innovative reality or a utopia? *Philosophy of Science and Technology*. 28, 1, 48-65. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65> (In Russian)

Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. Public Affairs.